

Ю. МАНТИК из лесов таежных

ОТКРЫТИЕ

«Блажен, кто вырос в сумраке лесов,» — эту лермонтовскую строчку коренной сибиряк, а ныне московский поэт Михаил Шутов повторяет с особым чувством и считает себя человеком счастливым. Еще бы, не каждому дано родиться на золотых приисках Южного Енисейска, в тайге непроходимой, в которой-то и неба практически не видно за деревьями-великанами, а кругом

Тропы, трясины, забродины,
речек святая вода...

Да и сам Михаил Георгиевич, как таежная сосна: высок, крепок, могучен, в движениях и речах нетороплив. На первый взгляд кажется, что он всегда спокоен, невозмутим, но когда читает свои стихи — оживает. Синие его глаза сияют, как молодые озера в кедровом лесу. Поистине в такие минуты душа его поет.

Стихи Михаила Шутова, как подметил один из его собратьев по перу — это «высоченные из горнила угольки жизни». Тайга, ее Реки, Ручьи, Ветер, Град, Звезды, осенние Листья — главные персонажи его поэзии. Он прислушивается к их дыханию и шепоту, к их судьбам и чаяниям.

Он неисправимый романтик — недаром Шутов преклоняется перед творчеством своего гениального тезки Михаила Юрьевича Лермонтова — романтика мятежного и неуспокоенного. Недаром душа его жаждет морских просторов: «Время полнить ветром паруса», — и дорог: «Дороги, скорости большие/мне жить спокойно не дают...»

Несмотря на тягу к манящим пространствам, к макровселенной, поэт способен передать жизнь «крохотного мира», неуловимого на первый взгляд, непостижимого обыденным человеческим взором: «Течет к земле по яблоньке слеза, два листика на ней — ее глаза.»

Не только «жизнь травинки и листа» волнует Михаила Шутова, но и судьба России. Иначе и быть не должно, ибо, по выражению Евгения Ев-

ПУТИ — ДОРОГИ

ОТ ВСЕЙ ДУШИ

Магнитогорск! Звучное, крепкое слово. Но слово — это дело, сказано в Библии. И эту небесную истину всецело подтверждает земной Магнитогорск.

А то, что за ним стоит ДЕЛО, видно всем вот уже скоро семь десятилетий.

Город огненного труда, стального раздолья и возвращенных садов. Живи и процветай! Приглашай в свои горячие кузницы людей труда и просто гостей, желающих заглянуть в кипящие бездны, в которых рождается добротная сталь — детище магнитогорцев.

Спасибо людям прекрасного города за прекрасное гостеприимство.

Михаил Шутов

член Союза писателей России.

тушенко, поэт «с пламенем земным связан чувством пуповины». Это чувство кровного единения с Россией присуще Михаилу Георгиевичу, ибо не может сплукать поэт, сказавший:

Куда ни помотришь, на всем письмена
Бездушья, вражды, канители.
Россия, любимая, будь спасена
Владимиром новой купели!

Все это — строки из сборника Михаила Шутова

«Венец терпения», который вышел недавно в московском издательстве. Зрелые строки зрелого поэта. А первая его ласточка выпорхнула почти четыре десятка лет назад: сборник «Звезды в кронах». Как романтично название дебютной книги и как мудро и философично наименование последнего сборника! Расстояние между ними велико. Сколько за эти годы было встреч, думок, надежд и разочарований, взлетов и падений! Рассветы и закаты, версты и мили, города и веси...

Кстати, Михаил Георгиевич не впервые побывал в нашем городе, приехав на VI Ручьевские чтения вместе с делегацией московских писателей. В конце шестидесятых издательство «Молодая гвардия», в котором он тогда работал, командировало его на Магнитку — собирать материалы о «стальном сердце Родины». Запомнились люди — «теплые, немногословные, душевные», и таинственно мерцающее студеное озеро Банное, в котором он купался августовскими утрами.

И вновь встреча с нашим городом, с благодарными слушателями и впервые — экскурсия по комбинату:

— ММК показался мне огромным, мудрым и добрым зверем, — подобрал необычную метафору Михаил Шутов, — металлурги кормят его огнем, а он дает людям сталь...

Такое вот мировосприятие... И в стихах его все одушевлено, наполнено жизнью и тянется к свету. Недаром наш московский гость работает специальным корреспондентом в столичном журнале «Природа и человек» («Свет»). Он говорит с читателями об экологии, истории, душе человеческой. В меру сил своих. Но главное — искренне и доверительно. Иначе он не может.

Родные дети

И ты найдешь под старость утешенье
В кормильцах-детях,
что всегда с тобой.

Но есть ли в том поэта прегрешенье,
Что ради грез он жертвует судьбой?..

Ты забывал детей и забывался,
И в снах бескрылым ангелом
с мольбой

Ты к ним летал, о звезды разбивался
И воскресал от их слезы живой.

И вот сейчас, у моря, на рассвете,
Где соловьи себя не берегут,
Твои стихи, твои родные дети,
К тебе, ручки вытянув,
бегут.

Как любишь их,
так и любим ответно,
А море прогибается
от ветра.

Похвала

О, как хвалит актера актер!
О, как хает поэта поэт
С незапамятных, видимо,
пор.

В чем секрет?

Похвала —
Это жизнь мотылька.

Успевай —
Похвали, похвались:

На подмостках страда коротка
И вторичен любой бенефис.

А хула долговечней вина,
А вино
Для скорбей и утех...
Первородней поэтов лишь грех,
И на откуп им
Вечность дана.

Птица

Светлый дождь свои настроил гусли,
Соловьи расселись по лесам...
Чтобы ты поменьше знала грусти,
Время рвать бродяжки паруса.

Видел я весной за Челекеном,
И тогда мне душу обожгло,
Как бежала в степь за человеком
Птица, припадая на крыло.

Человек мой, я давно душою
Все дороги в узел завязал
И усталой птицею большою
Под родную кровлю забежал...

Только дождь опять настроил гусли,
Соловьи расселись по лесам,
Под луной летят на Север гуси —
Время полнить ветром паруса.

Останься у плеча

И если мне терять необходимо, —
Пускай горит остатных лет свеча,
Слабеет рифма, как весною льдина,
Но только ты останься у плеча.

Мне ощущать и радостно, и твердо,
Что рядом ты, и хорошо идти,
С тобой поправлю в непогодь и в ведро
В свече судьбы сгорающий фитиль,

Сниму луну, возьму в охапку ветер,
И жив пока, их небу не отдам...
Любимая, как юно звезды светят,
Неужто есть им сроки, как и нам?

А если нет, и мир неумираем,
Зачем покой небес мемориален...

Твое плечо под синим плодом,
Мы в папиросном зыб дыме.
Я не обманут и не предан,
Но трудно сердцу моему.

Все те же речи
С горьким смехом
Про недостаток и семью,
А я, как птица перед снегом,
Не знаю, где ночлег совою.

Прости меня, мы не чужие,
От площадей до крайних юрт

Дороги, скорости большие
Мне жить спокойно не дают.

Упала звезда

Короткое счастье, безумный восторг
Двоих в молодые года.
«Прощай!» —

ты любимой сказать это смог,
И с неба упала звезда.

Как в юности, поле и дуб у пруда,
Дома, колокольни вдали,
Зачем же опять в этот вечер сюда
Дороги тебя привели?

Что было когда-то, быльем поросло,
И звездам судьбы не избить,
И небо коптить деревенке Прислон,
Где женщине дорого жить.

Короткое счастье, безумный восторг,
Ты с ней разделил навсегда.
«Прощай!» —

ты однажды сказать это смог,
И с неба упала звезда.

Ожидание

Скоро полночь. Троллейбус, как сом,
Подплывет, постоит, скроется.
Белым призраком корпус часов
На столбе, в переулке Троицком.
Их задумало вчерашней зимой
И к тому ж заморозило люто,
Но часы отбивают минуты
В тишине, над моей головой.
Даже слышно, как падает снег,
Новый снег на часы в переулке,
Но отскочит минута, и с них
Снег стекает сыпучею струйкой.

В этот час мои думы чисты,
Я люблю их и в слове оставлю.
Занесенные снегом часы,
Я, как вы, тишиной обрастаю.
Я от вас не уйду никуда,
Даже если бы счастье позвало,
Я не видел его никогда,
И оно меня не признавало.
В жизни меньше цветов, чем камней,
Надоело мне к счастью стучаться...
Жду. Само гда-то едет ко мне
На последнем троллейбусе Счастье.

Хвойный океан

Меж землей и солнцем капилляр —
Синий лес шумит под серым небом.
Льет и льет

раствор дождя и снега
На тайгу невидимый маляр.
Не слышать,
Засмейся иль заплачь ты, —
Здесь снесен с земли меридиан.
И корежит собственные мачты
В споре с небом Хвойный океан.

Стонет сад

Когда листва несется вдоль дорог
И сад скрипит, а не шумит уже,
Когда — дневным свершениям итог —
Последний свет погас на этаже,

Когда весь дом и лестницы темны, —
Оставь в тепле — один неспящий — всех,
И в сад войди, что, весь в штыках Луны,
Как на расстреле, поднял руки вверх.

Рукам полегче стало от листвы,
Но стонет сад, хоть неподвижен он,
И кажется, не ветром с высоты,
А изнутри он чем-то потрясен.

Течет к земле по яблоньке слеза,
Два листика на ней — ее глаза.

Под вечерним загородным парком
Небо, как разбросанный костер...
На земле, под мраморной аркой,
Листьев позолоченный набор.

Ни души в притихшем парке этом,
Похудела липа у тропы,
Растеряли шевелюру лета
На пруду господские дубы.

Под ногой звенит листвою осень,
Этот звук уводит в детства даль:
Словно кто-то запоздало косит
Перестойный клевер у пруда.

Закрывают мраморные тучи
В небе потухающий костер.
Голый дуб, как осьминог могучий,
К звездам свои щупальца протер.